Галина Баранкова (Москва)

„ШЕСТОДНЕВ“ ЙОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО НА РУСИ

„Шестоднев“ Йоанна Экзарха Болгарского являлся для древнерусского читателя естественнонаучной энциклопедией, содержащей разнообразные сведения о природе с элементами античной натурфилософии. О его популярности на Руси свидетельствует большое число сохранившихся до наших дней русских списков этого произведения. Нами были предприняты выявление и типологическая классификация этих списков. В книгохранилищах Москвы и Ленинграда было обнаружено 50 списков „Шестоднева“ XIII—XVIII вв. Только два из них — древнейший список „Шестоднева“ 1263 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 345), изданный в 1879 г.[1], и список XV в. (ГИМ, собр. Синодальное, № 35) являются списками южнославянского извода, первый из них сербский, второй — болгарский, остальные списки — русские.

Наиболее ранние сохранившиеся русские списки „Шестоднева“ относятся к XV в. В их числе 10 списков:

ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 443; собр. Московской духовной академии, № 145; собр. Егорова, № 619.

ГИМ, собр. Барсова, № 90, 1414 г., написанный в Москве, собр. Чудовское, 1492 г. написанный в Новгороде.

ГПБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 1/126, № 13/1090; ОСРК ф. 550, 1.47; собр. Соловецкого монастырь, № 318.

Однако есть данные, позволяющие считать, что „Шестоднев“ Йоанна Экзарха появился на Руси значительно раньше XV в. Об этом свидетелствует, например, факт включения отрывков из „Шестоднева“ в состав Толковой Палеи — русского компилятивного сочинения, появившегося на Руси, по всей вероятности, в XIII в. Об этом писали исследователи Толковой Палеи. В. Успенский, А. В. Рыстенко, А. Карнеев[2]. А. В. Рыстенко указывал, что фрагменты из „Шестоднева“, содержащие сведения природоведческого характера, были распространены в древнерусской литературе в качестве самостоятельной статьи. В том же виде они были включены в состав сборника „Матица Златая“. Ученые-литературоведы отмечают, что „Шестоднев“ Иоанна Экзарха заметно влиял на развитие древнерусской литературы на ранней стадии ее развития: „Следы знакомства с ним мы встречаем уже в Слове о законе и благодати митрополита Илариона, в Поучении Владимира Мономаха“[3].

Рукописная традиция „Шестоднева“ сохранялась на Руси вплоть до XIX в. Еще в XVII в. им зачитывался опальный протопоп Аввакум, возможно даже, что Аввакум взял его с собой в ссылку[4]. Интересно отметить, что в XVII в. появился новый перевод „Шестоднева“ Василия Великого на

церковнославянский язык, сделанный Епифанием Славинецким и изданный в Москве в 1665 г., который, по-видимому, не получил распространения на русской земле, и, в отличие от „Шестоднева" Иоанна экзарха, сохранился в небольшом числе списком.

Лингвотекстологическое исследование списков „Шестоднева" показывает, что в процессе бытования на Руси сочинение древнеболгарского писателя претерпело значительные изменения. Это касается сохранности текста, а также языка произведения.

Подобное описание выявленных списков „Шестоднева" и их группировка содержатся в работе докладчика (1973 г.)[5]. К спискам, обнаруженным после выхода этой работы, следует добавить еще три: ГИМ, собр. Синодальное, № 996, XVI в., ГБЛ, собр. Егорова, № 604, XVII в. и ГПБ, собр. Погодина, № 1089, XVII в. Некоторые уточнения следует внести в группировку рукописей, предложенную в этой работе. Так, представляется нецелесообразным рассматривать списки Плигинской группы и списки Уваровской и Овчинниковской групп в составе одной Уваровско-Плигинской ветви.

В основу текстологической классификации были положены общие пропуски, по их наличию или отсутствию были выделены наиболее крупные образования — ветви. Дальнейшее разделение списков выразилось в определении групп внутри ветвей, при этом учитывалось наличие перестановок частей текста, более мелких пропусков, а также вставок. Особое внимание было уделено IV слову, наиболее показательному в текстологическом отношении для группировки списков.

Наибольшей полнотой в IV слове отличается список 1263 г., который был взят в качестве своеобразного эталона при сравнении списков. В результате проведенной классификации списков было выведено 4 ветви: Уваровская, Чудовская, Белозерско-Барковская и Егоровская. Названий ветвей и групп условны и отражают принадлежность рукописи, определенной как основной представитель той или иной ветви (группы), к собранию, в которое она входит. Набор текстологических признаков сочетается в списках той или иной ветви (группы) с лексическими особенностями, повторящимися в списках данной ветви (группы) без существенных отличий.

Во всех исследуемых списках текст IV Слова отличается по полноте от текста списка 1263 г. (С-345) и не содержит отрывков, условно обозначенных нами как П IVв, П IVд, ПIVж и IVз[6].

Наиболее полон в IV слове текст списков Уваровской и Овчинниковской групп Уваровской ветви, которые имеют перечисленные выше пропуски, в списках Овчинниковской группы к ним прибавился небольшой пропуск П IVи. Следует отметить, что списки Овчинниковской группы олтичаются полнотой текста и в I слове. Так, в отличие от списков остальных ветвей, а также С-345, они содержат отрывок о молниях, заключенный между словами: да все wгнь есть н молнніѧ н звѣзды н сн̃це н мс̃цъїнже есть в нас wгнь сен знаємынї бездннє н вѣтрн быша землѧ wгнь вода воздꙋх (Сн.445, лл. 17—17 об.).

В списки Уваровской и Овчинниковской групп были внесены поздние русские вставки, при этом в списках Овчинниковской группы их оказалось больше. Это фрагменты из сочинений Зиновия Отенского и Максима Грека, а также отрывки с рисунками из „Християнской топографии" („Космографии") Козьмы Индикоплова. В списках Овчинниковской группы, а также в списке Уваровской группы — Сл-321 — имеются глоссы на полях, поясняющие, в каких произведениях церковной литературы развиваются те же мысли, что и в „Шестодневе" Иоана экзарха. На основании этих записей,

анализируемых по списку Синодальной библиотеки № 445 (58), А. В. Горский и К. И. Невоструев высказали предположение, что их автором является москвич: „По указаниям на московские печатные издания до 1644 г. включительно, видно, что этот немалозначительных труд принадлежит кому-либо из московских книголюбцев полов. XVII в.“[7]

Дальнейшее исследование рукописей показало, что списки Плигинской группы не следует рассматривать в составе одной ветви со списками Уваровской и Овчинниковской групп, хотя по числу пропусков в IV слове они наиболее близки рассмотренным. Лингвистический анализ списка Пл-3 показывает, что в IV слове он представляет смешанный тип, сочетающий особенности списков Чудовской и Белозерско-Барсовской ветвей.

Списки Чудовской ветви характеризуются совокупностью общих пропусков П IVв, П IVд, П IVж, П IVз, а также пропусков П IVк, П IVо, П IVр, П Iа, П Па и П Пб. Спискам Академической группы этой ветви свойственно наличие перестановок в тексте I—II слов, а спискам Румянцевской группы присущи дополнительные пропуски П IVт, П IVу, П IVф, П IVх и П IVа, однако нарушений в порядке расположения частей текста I—II слов здесь не произошло. Списки Чудовской ветви получили значительное разпространение на русской земле. Най более ранние из них датируются XV в. К ним относится список 1492 г., написанный писцом Васюком в Новгороде.

Списки Белозерско-Барсовской ветви в IV слове являются в текстологическом отношении наиболее дефектными. Они имеют значительный по размерам пропуск П IVб, включающий пропуски П IVв, П IVд, П IVж и П IVз, а также небольшой пропуск П IVм. В списках Волоколамской группы добавились пропуски П IVш, П Va и П Вб. Списки Барсовской группы отличаются от списков Волоколамской группы инверсиями частей текста IV слова типа β. В IV Слове списков Белозерской группы при наличии пропусков П IVб и П IVм произошли перестановки текста IV слова (инверсии типа α). На схемах представлены соотношения инверсий типа α, β.

Схема № 1

α1			α2	α3	α4	α5
β1	β2		β3	β4	β5	
α1			α4	α3	α2	α5
β1	β4	β3	β2		β5	

α1 = β1 +β2
α2 = β3
α3 = β4
β5 = α4 + α5

Очевидно, что при наличии указанных сходных черт инверсии типа α и β развивались из общего источника. Можно предположить, что существовал список, в котором в силу каких-либо причин произошло деление текста IV слово „Шестоднева“ на четыре части с инверсией типа А. При этом А1, α1, β1 и т.д. соотносились следующим образом:

А1 = α1 = β1 + β2
А2 = α2 = β3
А3 = α3 = β4
А4 = α4 +α5 = β5

Инверсия типа А представлена на схеме № 2

Схема № 2

А1	А3	А2	А4

Таким образом, первоначально были переставлены отрывки текста, обозначенные нами А2 и А3 (перестановки эти являются общими для частей α2 (β3), α3 (β4). Из этого общего протографа развивались списки Белозерской и Барсовской групп. В списках первой группы произошло деление части А4 на α4 и α5, а затем часть α4 была вставлена между частями А1 и А3 (α1 и α3). В списках же Барсовской группы при появлении дополнительных пропусков П IVш, П Va и П Vб произошло деление части А1 на части β1 и β2, в результате повреждения текста часть β2 оказалась после части А2 (β3). Доказательством того, что списки Барсовской и Белозерской групп восходят к одному архетипу, является существование списка Сол-1186, образующего Соловецкую группу рассматриваемой ветви. С одной стороны, этот список обладает набором пропуском, свойственных спискам Белозерской группы (П IVб и П IVм), с другой стороны, по характеру инверсий в IV слове он тождествен спискам Барсовской группы (инверсии типа β).

Последняя ветвь, представленная большим числом русских списков XVII в., — Егоровская. При наличии пропусков П IV в. П IVд, П IVж и П IVз в списках этой ветви имеется инверсия частей текста IV слова типа γ. В таком виде сохранился единственный список Волковской группы. Ундольскую группу составляет список, в котором добавились пропуски П IVл, П IVс. В многочисленных списках Егоровской группы прибавились еще два пропуска: П IVе, который включает в свой состав пропуск П IVж и П IVн. Текстологическое и лексическое соотношение списков этой ветви со списками остальных ветвей и групп требует дополнительного исследования.

Текстологическое изучение русских списков сочеталось в нашей работе с их лингвистическим анализом. Цель этого анализа заключалася в том, чтобы установить характер лексических изменений, которым подверглись на протяжении веков русские списки этого переводного болгарского произведения. Лексикологическое исследование проводилось по спискам-представителям всех ветвей и большинства групп.

В процессе сопоставительного лексикологического анализа списков выяснилось, что списки Чудовской ветви отличаются от списков Белозерско-Барсовской, Егоровской и Уваровской ветвей. О списках Плигинской группы, объединяемых в IV слове по лексическим данным со списками Чудовской ветви, будет сказано отдельно.

Перечислим лексические варианты, свидетельствующие о противопоставлении списков Чудовской ветви спискам остальных ветвей и групп (на первом месте стоят варианты из списков Чудовской ветви): ѿтѧгнѹтн — мощи; давьнѣишнн — древьнии; дѣлѧ — рад, цѣци; естество — жнтне; нзрядьныи — подобьныи; льзѣ — мощно; мнмо — развѣ; пытатн — въпрошатн; раздьратн — развлѣщи; разлоучнтнсѧ — разрѣшнтнсѧ; рѣснотнвьныи — нстнньныи; оутворнтн — оупьстрнтн, оутверднтн.

Списки Чудовской ветви выделяются среди других наличем некоторых словообразовательных особенностей. Наиболее характерная из них состоит в том, что спискам Чудовской ветви свойственно последовтельное употребление суффикса -Ий- (-j-), тогда как в списках остальных ветвей и

групп преобладает суффикс -ьство: сѹщне — сѹщьство, дебелне — дебельство, подобне — подобьство, велнчне — велнчьство, обнлне — обнльство, безѹмне — безѹмьство, безѹмельство, несмыслне — несмысльство, достоѩнне — достонньство и др.

В списках Чудовской ветви постоянно употребляется слово свѣтнльннкъ, в то время как в большинстве случаев в остальных списках его вариантом является слово свѣтнло. В списках Чудовской ветви (и С-345) наблюдается употребление прилагательных в форме на -ьjь при отсутствии соответствующих форм с суффиксом -ьск: человечь — человечьскын, еретнчь — еретнчьскын и т.п., употребление местоимений без суффиксов при наличии в списках остальных ветвей вариантов с суффиксом -ов: нѣкакын — нѣкаковын, тацнн — таковын, снцнн — снцевын и т.п. Из других различий в словообразовнии укажем: свѣтнльннчныи — свѣтнльннчьскын, сѹщын — сѹщественнын, золь — злоба (на первом месте стоят слова из списков Чудовской ветви, на втором — их варианты из списком остальных ветвей).

Лексические и словообразовательные варианты, представленные в списках Чудовской ветви, иногда находятся и в древнейшем списке С-345. В других же случаях они читаются только в списках Чудовской ветви. Это относится к лексемам естество, изрѧдьнын, льзѣ раздьратн, рѣснотнвьнын, ѹтворнтн, а также к вариантам с суффиксом -иj (-j). Кроме того, в списках Чудовской ветви постоянно употребляется вариант дѣлѧ при отсутствии вариантов цѣщѧ, встречающегося в списке С-345, и ради, представленного в списках остальных ветвей. Исследуя распространенность послелогов дѣлѧ — ради в древнерусском языке, В. В. Колесов отмечает преобладание варианта дѣлѧ в деловой и разговорной речи. Ученый считает, что „для ранних древнерусских вариантов даже переводных церковнослвянских текстов более характерно дѣлѧ, чем РАДИ“[8].

Остановимся на орфографии списком Чудовской ветви. Старшие списки Академической группы (XV в.) названной ветви имеют типичные русские черты в правописании. В некоторых списках XV в. (Солв-318, Квар-47, Чудв-171) не употребляется ѫ. Общеславянское сочетание *dj последовательно передается в этих списках как Ж (вожь, обхоженне, надежа, роженне и т.п.), сочетание же *tj выступает в виде Щ: свѣщѧ, хощѹ и т.п. В сочетаниях редуцированных с плавными типа *tъrt, *tьrt, как правило, гласная буква предшествует плавному согласному: вьрхѵ, напъллнтн, пьрвын и т.д. К числу древнерусских особенностей следует отнести написания с буквой *е* в соответствии с ѣ в древнейших южнославянских памятниках: вредъ, времена, телесемъ, телесныѧ, потребѹ, а также написания с начальными буквами О, ОУ в соответствии с старославянскими Е, Ю в начале слов: ѡдного (наряду с ЕДИНЪ), ѹжныѧ, ѹгъ, ѹгль (наряду с ЮЖНАА, ЮГЪ). Постоянно употребляются русские формы товѣ, совѣ, встречаются формы имперфекта в стяженном виде: бѣше, молѣше.

В то же время наблюдается сохранение сочетании РА, ЛА, РЕ, ЛЕ между согласными из общеславянских *or, *ol, *er, *el (типа градъ, глава и т.п.) при отсутствии полногласных форм, начальных сочетаний га-, la- из общеславянских *or, *ol (лакътъ, работа и т. п.). Перечисленные орфографические особенности характерны для ранних русских рукописей XI—XII вв. Н. Н. Дурново отмечал, что „в руском литературном диалекте старославянского языка не принято было, между прочим, употреблять русские слова с полногласием, с начальными ло-, ро-, -е“[9]. Очевидно, что правописание списком Академической группы отвечало требованием ранней русской орфографической традиции, при этом оно было ориентировано именно на

существующую литературную норму, о чем свидетельствует отсутствие вариантов с Ч, полногласных форм и т.п., которые, по мнению Н. Н. Дурново, осознавались в тот период как нелитературные. Существенным является также тот факт, что в списках Академической группы не находим следов среднеболгарского оригинала.

Списки Румянцевской группы Чудовской ветви в значительной степени отражают южнославянское влияние в орфографии. Однако они обладают и рядом общевосточнославянских (общерусских) орфографических черт. При всех различиях в изводе списки обеих групп объединяет наличие общих лексических и словообразовательных особенностей, что свидетельствует об их происхождении из общего древнерусского источника. По-видимому, этот источник ведет свое начало от ранних болгарских списков „Шестоднева", поступивших на Русь, возможно, уже в XI в. В пользу этого соображения свидетельствуют следующие факты. Прежде всего, списки Академической группы Чудовской ветви сохраняют характерные русизмы в правописании в соответствии с ранней руской орфографической нормой XI—XII вв. Южнославянское влияние, в разной степени коснувшееся этих списков, не привело к утрате их собственно русских особенностей. Существование ранних русских списков „Шестоднева" потверждается включением отрывков из этого произведения в состав Толковой Палеи. В списках Чудовской ветви по сравнению с остальными списками сохранился более древний слой лексики. Этим обстоятельстом объясняется объединение в ряде случаев списков Чудовской ветви по лексическим и словообразовательным данным с древнейшим скипском 1263 г. С-345.

Наконец, говоря об XI в. как наиболее вероятном времени появления старших русских списков „Шестоднева", следует иметь в виду историю русско-болгарских литературных связей. А. И. Соболевский считал, что в первое столетие после крещения на Руси были известны почти все южнославняские переводы IX—X вв.[10] На раннее знакомство русских читателей с произведениями болгарских писателей указывали Б. С. Ангелов, И. Дуйчев[11]. В. Мошин, касаясь вопроса о русско-южнославянских литературных связях X—XV вв., подчеркивает, что в русской литературе XI—XII веков „все южнославянские оригиналы, которые могут быть определены хронологически, относятся к старославянской письменности IX—X вв."[12] Основываясь на этом соображении, а также на других фактах, В. Мошин высказывает мнение о прекращении в XI в. притока болгарских рукописей в Восточную Европу.

Сказанное дает возможность предположить, что протограф списков Чудовской ветви представлял собой ранную редакцию „Шестоднева". С течением времени произошло разделение списков этой ветви на две группы: Академическую и Румянцевскую. Последняя получила распространение на юге и западе Руси, а позднее вышла за ее пределы. В составе Румянцевской группы находятся: рукопись из собрания Хлудова, № 44 (ГИМ), перв. пол. XVI в., написанная западнорусским полууставом, которая была взята „за саблею посредн лнтовског гс̄дрства в столномъ градѣ вилне", со следами сильного южнославянского влияния; рукопись из собрания Рогожского кладбища № 791 (ГБЛ), кон. XVI — нач. XVII в., с украинскими особенностями в правописании, также отражающая сильное южославянское влияние в орфографии. К этой же группе следует отнести список 1649 г., привлеченный Р. Айтцетмюллером в его издании „Шестоднева" (VB в обозначении издателя) и определенный им как список классической сербской редакции, которому предшествовал русский список[13].

Интересно отметить, что „Шестодневы" этой группы нередко бывают лицевыми (Румн-194, Рогж-791, Погд-1089). Миниатюры в них имеют ряд общих черт в характере исполнения[14]. Кроме того, все списки этой группы, исключая Румн-194 и дефектный Хлуд-44, обрывающийся на V Слове, имеют один и тот же литературный конвой — „Христианскую топографию" Козьмы Индикополова.

Списки Академический группы продолжили традицию ранней руской редакции „Шестоднева". Они наиболее многочисленны по сревнению со списками остальных групп всех ветвей. Авторитетность списков ранней русской редакции подтверждается тем, что в состав Великих Четий Миней митрополита Макария вошел список Академической группы Чудовской ветви.

Списки Белозерско-Барсовской ветви в лексическом и орфографическом отношении заметно отличаются от списков Чудовской ветви. Внутри списком рассматриваемой ветви наблюдаются некоторые расхождения, при этом более близки по лексическим данным списки Барсовской и Волоколамской групп. Однако все списки этой ветви происходят из общего источника и в большей или меньшей степени сохраняют следы болгарского оригинала. К ним относится смешение юсов (и как отражение этого смешения написания буквы у вместо ѫ и наоборот: нѣс лн то все бесѫщагосѧ ѕма дѣло Сол-1186, л. 158, Бел-13, л. 115 об., Бар-90, л. 129 об., Бел-1, л. 91, Егр-619, л. 103 об., нм же всѧ ѕвѣзды ѩже зовем неплавающаа н плавающаа поуть (вместо: пать) Бел-1, л. 93 об., неплавающѕю н плавающѕю пѕть Арх-124, л. 126 об., задръжѕщнмъ Бел-13, л. 144, Бел-1, л. 114 об., прнтнчющюю къ нномѫ Егр-619, л. 118 об., прнтнчащжѩ Бар-90, л. 138, прнтнчащаа Вол-443, л. 73 об., прнтнчащжю Поп-162, л. 235, об., растѧщн н хѕдѣющн Бел-13, л. 116, 120, Арх-124, л. 141, Бел-1, л. 98, Бар-90, л. 130 об., предлежоущнїмъ Сол-1186, л. 157 об., нм же трнмн десатмн дн҃емн нсходнт слн҃це второую на десате непловѧщего гл҃емыа сферы Бел-1, л. 99, Сол-1186, л. 159 об., Бел-13, л. 117 об., Егр-619, л. 105 об., а в обапол'ныа ѩдолн внитн не могѕщн Поп-162, л. 237, н ѩже нмат любовь къ неплавающнмъ плавающѫ звѣзды н къ троѧглънымъ н къ троѧглъным н къ четвороѧглънымъ Бар-90, л. 128 об., да въ ѧзнчѣ ѕѣло заключнце н гѡды н мѣры Поп-162, л. 229 об., да горнин ѡгнь ѩжнченъ ес сему Бар-90, л. 7 и т.п.

Наблюдается употребление ѣ вместо а: бабнѣ гласа Бел-1, л. 99, об., Соб-1186, л. 160, Вол-443, л. 70 об., премѣнѣеть Бар-90, л. 138 об., не нмело ѡгнѣ Бар-90, л. 8, поселѣннмъ Бар-90, л. 199, землѣ же бѣше невнднма Сол-1186, л. 88, ѩвлѣющнсѧ Бар-90, л. 130 об., стъклѣнница Бар-90, л. 120 об. Встречаются случаи смешения И и Ы: бѣлн, чернн, мнѡгаждн Бел-1, л. 101, ннѣ Бар-90, л. 8 об., бѣлн Сол-1186, л. 154 об., росн Сол-1186, л. 164 об., знмнын Бел-13, л. 141, мална Бел-13, л. 141.

Все ранние списки Белозерско-Барсовской ветви представляют результаты южнославянского влияния XIV-XV вв.[15] Однако степень его проявления различается по группам списков: более сильно оно затронуло списки Барсовской группы и прежде всего список 1414 г. — Бар-90, списанный по всей вероятности, с болгарского оригинала. В меньшей степени южнославянское влияние отражено в списках Белозерской группы, имейщей большое число русизмов в правописании.

В большинстве списков Белозерско-Барсовской ветви употребляются буквы ѫ, і, ѵ, ѕ. Однако в нескольских списках XV в. (Вол-443, Бел-1, Бел-13) ѫ практически не употребляется, а встречается лишь эпизодически. Наблюдается смешение букв Ъ и Ь; Ь пишется чаще на конце слов. В общославянских сочетаниях редуцированных с плавными типа tъrt буква

плавного чаще пишется перед гласным: оудрѣжнтсѧ, дрѣзающе, чрѣны, грѣдо, тврьдѣ, врѣхомъ, хотя имеются и русские написания: корчагы, в первынхъ, ѡчертенномѕ, дерзающе и т. п. В отличие от списков Чудовской ветви общеславянское сочетание *dj преимущественно передается как ЖД: ноужда, ражданне, обхожденне, вождь, заграждаеть, възражденне и т.п. наряду с русскими написаниями: преже, загражаеть, поражающагоса и т.п. В начале слов чаще пишется Ю, Е: въ юзнѣ, югольнкы, югъ, по южьскымъ, юзамн, еднаго, есеньнн. После гласных А заменило Ѧ: каа, в таа, ѡбрѫжающаа, скытаасѧ, невнднмаа, дроугаа. Особенно выделются этим „зиянием“ списки Волоколамской группы — Бел-1 и Вол-443, в которых это явление наблюдается постоянно: вѣанїе, дѣанїе въскоутаасѧ, велнкаа, чюднаа и т.п. По старославянским нормам слова типа трѣба, врѣма, врѣдъ чаще всего пишутся с ѣ, русизмы редки.

Следует отметить, что перечисленные орфографические особености непоследовательно представлены не только в списках разных групп Белозепско-Барсовской ветви, но и в пределах одного списка. Однако орфографические черты, вызванные южнославянским влиянием, преобладают во всех списках Белозерско-Барсовской ветви, в то время как русизмы в правописании ранних ее представителей не так многочисленны.

Принимая во внимние, что в списках рассматриваемой ветви сохранились отчетливые следы болгарского оригинала, а также учитывая значительное проявление в списках южнославянского влияния, можно предположить, что списки этой ветви поступили в Русь в конце XIV — нач. XV в. из Болгарии. Напомним, что в составе списков Барсовской группы находится болгарский список Син-35. Следы среднеболгарского оригинала наиболее ощутимы в правописании списка 1414 г. — Бар-90 и более поздних списков той же группы — Поп-162, кон. XIV-нач. XV в. и даже Арх-124, XVII в. О связи одной из рукописей Волоколамской группы с средневековой болгарской культурной традицией свидетельствует миниатюра в списке Вол-443, на которой изображен Василий Великий. Это миниатюра представляет копию XV в. с болгарской миниатюры XIV в., сделанную московским иллюстратором[16]. Относительно почерка этой рукописи Г. В. Попов указывает, что он „полууставный с элементами скорописи, обнаруживающий знакомство с южнославянской традицей и греческим минускульным письмом — характерная особенность московской письменности XV в.“[17]

Отнесение списком Белозерско-Барсовской ветви к болгарской редакции, появившейся на Руси в период второго южнославянского влияния, основано также на текстологической общности списков Белозерско-Барсовской, Волоколамской и Соловецкой групп, происходящих из общего источника. В тоже время сопоставление списков Белозерско-Барсовской ветви со списками другой старшей ветви — Чудовской — показывает большие расхождения в истории их текстов, а также в лексике, словообразовании и орфографии. Это является свидетельством того, что в ранний период бытования протографы списком двух ветвей значительно различались между собой, развивались в разных условиях, не подвергаясь взаимодействию.

Наконец, мысль о появлении в период южнославянского влияния подновленной в лексико-словообразовательном отношении болгарской редакции „Шестоднева“ находит потверждение в истории русско-болгарских связей XIV-XV вв., времени, когда в среде руских книжников усилился интерес к произведениям древнеболгарской литературы[18]. Вполне понятно, что сочинения Иоанна Экзарха продолжила вызывать большой интерес у русских читателей в этот период. Вместе с произведениями южнославянской литературы, поступившими на русскую землю в это время, должны были

находиться творения Иоанна экзарха Болгарского, всегда высоко ценимые на Руси.

Болгарские списки „Шестоднева", поступившие на Русь в XIV—XV вв., переписывались как авторитетные книги московскими писцами, возможно, уже при митрополите Киприане, распространявшем болгарские литературные традиции на Руси. С историко-культурной точки зрения показателен в этом отношении состав одного из сборников конца XV в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 619), содержащий „Шестоднев" Иоанна Экзарха (отнесенный нами к Белозерской группе Белозерско-Барсовской ветви), „Богословие" Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского, отрывки из „Космографии" Козьмы Индикоплова наряду с Духовной грамотой митрополита Киприана и его молитвой „раздрешити умершаго князя и всякаго христианина" с предисловием о смерти Киприана. Не исключено, что большое число сохранившихся ранних списков „Шестоднева" Белозерско-Барсовской ветви (6 из 10 списков XV в.) объясняется большим распространением болгарской редакции на русской земле в XIV—XV вв. При этом, как было показано выше, два списка (Бар-90 и Вол-443) связаны с Москвой, два списка (Бел-1 и Бел-13) бытовали в Кирилло-Белозерском монастыре.

Списки Уваровской и Овчинниковской групп, представляющие с точки зрения истории их текста оригинальную позднюю русскую редакцию „Шестоднева", подверглись наибольшей по сравнению со списками остальных ветвей и групп лексической правке. При этом одни лексические замены свойственны спискам обеих групп, другие — только спискам Овчинноковской группы. По-видимому, редакторская правка осуществлялась на двух уровнях. Во-первых, она была проведена в списке протографе обеих групп на той стадии развития их текста, когда еще не произошло разделение списков на эти группы (предположительно, в XVI в.). Дальнейшим изменениям подвергалась лексика протографа списков Овчинниковской группы. Примечательно соотношение лексических особенностей внутри списков Овчинниковской группы — Ов-130 и Сн-445. Большинство слов-вариантов в списке Ов-130 дано в качестве глосс, тогда как в списке Сн-445 они уже вставлены в текст. Ниже перечислены варианты, свидетельствующие о противопоставлении в IV Слове списков Уваровской и Овчинниковской групп спискам остальных ветвей (лексемы из списков названных групп стоят на первом месте): глаголати — мѣнити, наречи — мѣнити, глаголати — дѣяти, горесть — брьдость, единостѣньникъ — ино(оно) стѣньникъ, запрѫда — арпагиа, звѣздословьць — астрологъ, звѣздословець; кромѣ — свѣне, луна — месѧць, нарещи — намѣнити, отнюдь — съпроста, покровъ — сѣнь, послѣдьнии — сетьнии, прилагати — притыкати, притрѫчати; родословие — генефлиалогиа, съчастие — (н)мармениа, тьма — несъвѣда, оуродьство — пошибение, юродивии — пошибении, боуи; хитрьць — къзньникъ, създатель — къзньникъ, хотѣти — рачити, въсхотѣти — рачити, ѕволити — рачити, чюдодиво, дивъ; чьрмнѣтисѧ — загорѣтисѧ.

Заметно стремление редактора протографа списков обеих групп русифицировать списки „Шестоднева", приблизить его лексику к русскому литературному языку XVII в. Редакторская правка проявляется в замене грецизмов их русскими эквивалентами: генефлиалогиа — родословие, астрологъ — звѣздословьць, мармениа — съчастие, апрагиа — запрѫда. Ощутима тенденция к замене устаревших слов и выражений словами, употребительными и понятными в XVI—XVII вв. Большинство этих заменных слов отмечено в Словаре, находящемся в сборнике старца Вассиана Кошки (сер. XVI в.) и Азбуковнике кон. XVI в. как устаревшие.[19] Среди них такие слова, как хотѣти

— въсхотѣти — рачити, покровъ — сѣнь, отнюдь — съпроста, кромѣ — свѣне[20] (на первом месте стоят лексемы, читающиеся в списках Уваровской и Овчинниковской групп, на втором — слова из списков остальных ветвей, рассматриваемые в Азбуковниках XVI в. как малопонятные, невразумительные. Замене подвергаются также слова, квалифицируемые учеными как специфическая лексика симеоновской эпохи[21]. К ним относятся, например слова брндость, намѣнити, съналѣдѣти, несвѣда, сетьнын, замененные в списках Уваровской и Овчинниковской групп лексемами гордость, наречи, съхранити, тьма, послѣдьнии. Во всех рассмотренных выше случаях выбор слова-варианта всегда определяется большей употребительностью его в русском языке рассматриваемого периода. Большинство слов, представленных в списках Уваровской и Овчинниковской групп, засвидетельствовано в „Материалах для словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского и Словаре русского языка XI—XVII вв. по многочисленным русским памятникам.

Таким образом, правка в переделка протографа списков Уваровской и Овчинниковской групп, проведенная в конце XVI — начале XVII в. и приведшая к возникновению поздней русской редакции „Шестоднева“, осуществлялась в связи с потребностями развития русского литературного языка XI—XVII вв. Как отмечает Л. С. Ковтун именно в этот период „начались процессы формирования национального языка при активном воздействии разговорной речи. Это делало устаревание форм литературного выражения мысли особенно ощутимым. В таких условиях необычайно обострилась потребность в новых пореводах читаемой литературы, в исправлении и переделки архаичных списков Писания и других книг. Наблюдается все более нарастающее обрусение списков, в которых представлены инославянские изводы текста с древних памятников“[22].

Анализ рассмотренных рукописей приводит к заключению, что писцы замечали пробелы в тексте „Шестоднева“ и в поисках более польного, „исправного“ текста предпринимали сличение списков. Считается, что попытки исправления книг на Руси начинаются с времен митрополита Киприана.

Дефекты списка (или его протографа) не раз отмечались писцами „Шестоднева“. Так, в списке из Соловецкого собрания ГПБ № 1186, нач. XVI в., большой пропуск П IVб отмечен записью писца: ѿ҃ї листов нстъ (л.149 об.). В списке Бар-90 три пропуска — П IVш, П Va и П Vб — сопровождаются записью писца: тако во изводѣ wбрѣтох прѣступно; для этих пропусков в тексте оставлены пустые места.

О сознательном исправления текста „Шестоднева“ путем сопоставления отличающихся друг от друга рукописей свидетельствуют языковые особенности списка кон. XV — нач. XVI в. из собр. Плигина (Пл-3), хранящегося в БАН, написанного двумя писцами. На полях и в тексте этого списка имеются поправки, которые могли быть внесены писцом только при сопоставлении с каким-либо списком определенной группы (по нашей классификации, это был один из списков Барсовской группы Белозерско-Барсовской ветви). При этом дополнялись как отдельные предложения, так и значительные отрывки текста, пропущенные в том списке, с которого писцы делали свою копию. Так, например, в III Слове Пл-3 на полях был восполнен пропуск, который наблюдается и в списках Академической группы Чудовской ветви и заключен в Пл-3 между словами: да прозѧбнет земьлѧ трав҃ѕ сѣновноую — єгда бо на земьлн падеть сема тн на годнѕю влаг҃ѕ н теплот҃ѕ wбрѧщет (л. 78 об.). Наибольший интерес в этом отношении представляет

лингвотекстологический анализ IV Слова Пл-3. по характеру лексических и словообразовательных особенностей Пл-3 в IV Слове объединяется со списками Чудовской ветви. В текстологическом же отношении Пл-3 является более полным, чем названные списки, имеющие пропуски П IVк, П IVо (о наличии пропуска П IVр в Пл-3 судить нет возможности, поскольку в нем имеется большой пропуск П IVп, в состав которого мог войти и пропуск П IVр; возникновение пропуска П IVп в Пл-3, по всей вероятности, было связано с утратой листов). Примечательно, что в случаях пропуска текста в списках Академической группы (пропуски П IVк, П IVо) Пл-3 чаще всего объединяется по лексическим и словообразовательным данным со списками Белозерско-Барсовской ветви: варен8 Пл-3, Белозерско-Барсовская ветвь — предварен8 Егоровская и Уваровская ветви, беспрѣсмене Пл-3, Белозерско-Барсовская веть — беспремѣне Уваровская веть — беспрестанно Егоровская ветвь и т.д. Обычно употребительный в Пл-3 (также как и в списках Чудовской ветви) послелог дѣлѧ заменен в указанных отрывках послелогом РАДИ, местоимение тѣкы — формой с суффиксом -ов- таковы.

Однако более всего бросается в глаза разница в правописании отрывков П IVк, П IVо и остального текста Пл-3. IV Слово было списано писцом со списка русскаго извода, при этом ѫ употребляется крайне редко, общеславянское сочетание *dj передается как Ж: прежє, нѫжа, рожено и т.п. В корнях слов типа врѣдь, врѣмѧ ставится Е: временнаа, телеснаа и т.п., вместо старославянских Ю, Е, в начале слов пишутся У, О: оужноую, осеньнин. В орфографии списка некоторые отражение получило южнославянское влияние, выразившееся в написании плавного согласного перед гласным в сочетаниях типа *tъrt, *tьrt: длъгы, прьвын, трьпѣлнвъ, нсплънитъ, продлъженъ и т.д., хотя встречаются и русизмы: верхомъ, черплеть, провертаны и т.п.

Отрывки, условно названные нами П IVк, П IVо, которые отсутствовали в списках Академической группы и представлены в Пл-3, были списаны непосредственно или через промежуточную ступень со списка среднеболгарского извода, при этом в Пл-3 сохранены особенности болгарской орфографии. К ним относится постоянное смешение ѫ и ѧ с преобладанием ѧ: точїѧ, потпорою, дебелоѧ, на землѧ, на троѧглъныѧ и четвероѧглъныѧ звѣзды, нмѧще, на предлежѫщее т.п.

Сохраняются сочетания ЖД (из общеславянского *dj): порожденне, рождание, по нѫждн, такожде, часты написания А вместо ѧ после гласных: каа, скорааг, нѣснаа, слышавшааго, сїает, наблюдается употребление в некоторых случай ѣ вместо ѧ: стьклѣнница, нзбавлѣюще, всѣкъ, встречается написание слова трава через ѣ (тревѣ). Таким образом, и орфография списка Пл-3 в частях текста, отсутствующих в списках Чудовской ветви, близка правописанию списков Барсовской группы, сохранивших заметные следы болгарского оригинала.

Изложенные факты дают возможность представить, как осуществовалось в данном случае исправление текста „Шестоднева“: основой текста IV Слова служил текст по списку Академической группы Чудовской ветви с характерными русскими чертами в правописании, пропуски которого были механически восполнены по какому-либо списку „Шестоднева“, относящемуся к Барсовской группе.

Другой приер исправлений, приводящих к пополнению текста „Шестоднева“, представляет список XVII в. (ГПБ, собр. Соловецкое, № 319), относящийся, по нашей классификации, к Академической группе Чудовской ветви. Читателем или владельцем рукописи крестиками отмечены перестановки частей текста I—II Слов, которые наблюдаются во всех списках этой

группы, и указан правильный порядок чтения переставленных фрагментов. Кроме того, некоторые пропуски в тексте „Шестоднева“ восполнены здесь на отдельных листах, вложенных в рукопись. Это пропуск в III Слове, подобный описанному выше пропуску в Пл-3, а также пропуск П IVo. В списке имеются многочисленные языковые поправки, причем характер лексических исправлений помогает в определении списка, который имел в своем распоряжении редактор. По всей вероятности, им был один из списков Уваровской ветви.

Приведенные примеры показывают, что списки, различающиеся между собой в текстологическом и лексическом отношениях, могли взаимодействовать. Это приводило к появлению более полных текстов „Шестоднева“, которые продолжали копироваться русскими писцами. Так, список Кв-321 (ГПБ, ОСРК Q XVII. 321), XVII в., идентичный в текстологическом отношении списку Пл-3 и входящий с ним в одну Плигинскую групу, сохранил некоторые следы болгарского оригинала в окрывках П IVк, П IVo: н ѣже нмать любовю, н ко трѣѣглъныимъ н к четверооуглеными („у“ исправлено другим почерком), л. 100, не нмѧцю л. 100, при сохранении русского правописания в остальных частях текста.

Рассмотренные выше вопросы бытования списков „Шестоднева“ Иоанна экзарха на русской земле позволяют сделать некоторые выводы. Проведенный лингвотекстологический анализ показал, что русские списки „Шестоднева“ имеют на Руси длительную историю существования и развития. Появившись на Руси, по-видимому, уже в XI в., „Шестоднев“ просуществовал в рукописной традиции вплоть до XIX в. Это произведение имело огромное значение для истории древнерусской литературы и культуры. Оно служило для древнерусского читателя источником естественнонаучных сведений и эстетических идеалов, так как по богатству мыслей, картин и образов не имеет себе равных среди других сочинений древнеславянской литературы. „Шестоднев“ Иоанна экзарха оказал заметное влияние на развитие древнерусской литературы. Язык „Шестоднева“ имел большое значение для формирования древнерусского литературного языка и, в частности, его научной терминологии.

В процессе бытования на Руси списки „Шестоднева“ подверглись большим изменениям. В ходе лингвотекстологического анализа были выявлены несколько ветвей и групп списков. Характер лексических и словообразовательных изменений в списках свидетелствует о том, что редактирование языка „Шестоднева“ проводилось неоднократно. Так, в протографе списков Чудовской ветви, представляющей раннюю русскую редакцию, были последовательно проведены изменения в лексике и словообразовании, его правописание было упорядочено в соответствии с нормамим русской орфографии XI—XII вв. Списки Академической группы этой ветви сохранили черты ранней русской редакции „Шестоднева“.

Списки Белозерско-Барсовской ветви, вероятнее всего, появившиеся на Руси в период южнославянского влияния XIV—XV вв. и сохранившие ряд особенностей среднеболгарского оригинала, представляют подновленную болгарскую редакцию этого произведения.

Наконец, существование поздней русской редакции „Шестоднева“, представленной списками Уваровской ветви, свидетельствует о том, что интерес к этому памятнику письменности не утратился у русских читателей в XVII в. Правка и переделка языка „Шестоднева“ в этот период была связана с потребностями развития русского языка XVI—XVII вв.

Решение вопросов, связанных с изменениями в языке русских списков

„Шестоднева“ Иоанна экзарха Болгарского, представляет определенный интерес для истории как русского, так и болгарского литературных языков. Выявление варьирующейся по ветвям и группам списков обогащает представление о синонимии, существовавшей в древнерусском языке, а также содействует прояснению вопроса о взаимодействии церковнославянских и русских по происхождению синонимов. Наконец, лексикологическое изучение списков, относящихся ко всем известным ветвям и группам путем их сопоставления, позволит установить инвариантную лексику, т.е. словарный состав данного памятяника за вычетом всех слов, варьирующихся в списках разных ветвей и групп. Эта лексика с большой долей вероятности может быть отнесена к протографу Иоанна экзарха.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Шестоднев, составленный Иоанном Эксархом Болгарским, по харатейному списку Московской Синодальной библиотеки. — Чтения в императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университет. М., 1879, кн. 3.

[2] См.; Успенский, В. Толковая Палея. Казань 1876. Рыстенко А. В. Материалы для литературной истории толковой Палеи. Вып. 1. СПб., 1908. Карнеев А. К вопросу о взаимных отношениях Толковой Палеи и Златой Матицы. — Журнал Министерства Народного просвещения, Спб., 1900, чл. 327, № 2, 335—366.

[3] История русской литературы. — М.-Л., 1942, т. I, ч. 1, с. 204.

[4] См.: Сарафанова-Демкова, Н. С. Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. 19. М.-Л., 1963, 367—372.

[5] Баранкова, Г. С. К текстологическому и лингвистическому изучению списков „Шестоднева“ Иоанна экзарха Болгарского. — В кн.: „Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973, 172—215.

[6] Условные обозначения, принятые в настоящем докладе, повторяют принятые в работе 1973 г. сокращенные условные обозначения: пропуски или вставки обозначаются совокупностью заглавной буквы П (или В), римской цифры, совпадающей с номером Слова „Шестоднева“, и русской строчной буквы, которой зашифрован соотвотствующий отрывок текста, пропущенный (вставленный) в данном списке. Условные шифры рукописей, употребляемые ниже, заимствованы из той же статьи автора.

[7] Горский, А., Невоструев, К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел 2, ч. 1, М., 1857, с. 42.

[8] Колесов, В. В. дѣлꙗ — ρᾶδη в древнерусском литературном языке. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 2. Л., 1977, с. 32.

[9] Дурново, Н. Н. Славянское правописание в X—XII вв. — Slavia, Praha, 1933, roc. 12, ses. 1—2, s. 7—8.

[10] Соболевский, А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Спб., 1903 г., с. V.

[11] Ангелов, Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература. София 1958. Он же: К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей. — Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14, М.-Л., 1958, с. 132.138. Дуйчев, И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 19. М.-Л., 1963, 107—129.

[12] Мошин, В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 19. М.-Л. 1963, с. 61.

[13] Aitzetmüller, R. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Bd. 1. Graz, 1958, S. VIII.

[14] О связи миниатюр из двух списков (собр. Румянцева № 194 и собр. Погодина № 1089) см.: Редин, Е. К., О некоторых лицевых рукописях „Шестоднева“ Иоанна экзарха Болгарско. М., 1912.

[15] О проявлении южнославянского влияния в орфографии русских рукописей см.: Соболевский, А. И. Южно-славянское влияние на русскую письменност в XIV—XV веках. СПб., 1894. Talev, I. Some problems of the second Slavic influence in Russia. München, 1973.

[16] См.: Попов, Г. В. Московская копия конца XV в. с болгарской миниатюры предшествующего столетия. — Советское славяноведение., М., 1969, № 1, 92—94. Ученый относит миниатюру из сборника Слов Василия Великого (ГБЛ, ф. 304, № 129), к группе произведений болгарской живописи позднепалеологовского времени.

[17] Попов, Г. В. Указ. сочинение, с. 93.

[18] СМ.: Соболевский, А. И. Южнославянское влияние. . . ; Снегаров, И. Духовно-

културни връзки между България и Русия през средните векове (X—XV в.). С., 1950. Он же. К истории культурных связей между Болгарей и Россией в конце XIV — нач. XV в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, 257—277.

[19] См.: Ковтун, Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в., Л., 1975.

[20] Ковтун, Л. С. Указ. сочинение, с. 295, 264, 263, 302.

[21] См., например, Jagić, V. Entstehugsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913. Погорелов, В. Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. Варшава, 1910. Михайлов, А. В. Опыт изучения текста книги пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава 1910 и др. работы.

[22] Ковтун, Л. С. Указ. сочинение, с. 259.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Арх-124 — БАН, собр. Архангельское, С № 124, XVII в.
Бар-90 — ГИМ, собр. Барсова, № 90, 1414 г.
Бел-1 — ГПБ, собр. Кириллo-Белозерское, № 1/126, XV в.
Бел-13 — ГПБ, собр. Кириллo-Белозерское, № 13/1090, XV в.
Вол-443 — ГБЛ, ф. 113)собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 443, посл. четв. XV в.
Егр-619 — ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 619, кон. XV в.
Кв-321 — ГПБ, ф. 550 (ОСРК) Q XVII. 321, XVII в.
Квар-47 — ГПБ, ф. 550 (ОСРК) Q I. 47, XV в.
Ов-130 — ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 130, XVII в.
Пл-3 — БАН, собр. Плигина, № 3 (33.18.4), нач. XVI в.
Погд-1089 — ГПБ, собр. Погодина, № 1089, XVII в.
Поп-162 — ГБЛ, ф. 236 (собр. Попова), № 162, кон. XVI — нач. XVII в.
Рогж-791 — ГБЛ, ф. 247 (собр. Рогожского кладбища), № 791, кон. XVI — нач. XVII в.
Румн-194 — ГБЛ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 194, XVI в.
С-345 — ГИМ, собр. Синодальное, № 345, 1263 г.
Сл-321 — ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 321/341, XVII в.
Сн-445 — ГИМ, собр. Синодальное, № 445, XVII в.
Сол-1186 — ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 1186/1296, нач. XVI в.
Солв-318 — ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 318/338, XV в.
Хлуд-44 — ГИМ, собр. Хлудова, № 44, XVI в.
Чудв-171 — ГИМ, собр. Чудовское, № 171, 1492 г.